

каждого пассажира сообщается литература — русские работы не учитываются<sup>3</sup>. Вторая часть в свою очередь распадается на четыре раздела: от переселения гепидов до конца гуннского владычества (с. 47—56); от победы Ардариха при Недао до 40-х годов VI в., когда начинаются войны гепидов с лангобардами (с. 56—77); от лангобардо-гепидского конфликта до падения Гепидского королевства (с. 77—90); остатки гепидского населения после 567 г. (с. 90—117). В основном автор привлекает ранние источники (до 900 г.), хотя изредка цитируются и поздние авторы, как, например, Кедрин (XII в.).

Удобная сводка источников привлечет заново внимание к судьбе малоизвестного варварского королевства в Паннонии; она существенна также и для истории взаимоотношений Византии с варварским миром, и для ранних судеб славянства, с которым у гепидов существовали тесные отношения. В этой связи можно напомнить о деятельности лангобарда Хильдегиса (Ильдигиса), бежавшего в 40-е годы VI в. к славянам, потом к гепидам, а затем вместе с гепидской дружиной снова перебравшегося к славянам. Оттуда с 6-тысячным отрядом (состоявшим, по мнению З. В. Удальцовой, из гепидов и склавинов)<sup>4</sup> Хильдегис намеревался соединиться с Тотилой, но после первых успехов отказался от своего плана (с. 77 и сл.). В 551 г. гепиды оказали славянам поддержку при переправе через Дунай (с. 81 и сл.). Еще в конце VI в. гепиды жили, по-видимому, среди славян и хорошо знали местность по Нижнему Дунаю (с. 105 и сл.). В 626 г. гепиды вместе со славянами, протоболгарами и аварами участвовали в осаде Константинополя (с. 112 и сл.). Все это показывает, в частности, насколько мало обоснованы попытки разграничить по чисто этническому принципу характер действий различных варварских групп во время переселения народов.

А. К.

A. N. Stratos. *Tò Βυζάντιον στὸν ζ' αἰῶνα*, т. I—V. Athenai, 1965—1974, 960+271+334+195 p.

VII столетие в истории Византии — один из самых темных периодов. И не потому, что это время не богато историческими событиями: напротив, те исследователи, кто вообще признает кардинальные сдвиги в общественно-политическом устройстве империи, как правило, связывают их с VII столетием<sup>1</sup>. Скучность источников — вот причина скудости наших знаний о Ромейской империи за время между ближайшими преемниками Юстиниана I и установлением так называемой Исаврйской династии. А. Стратос прекрасно отдает себе отчет в том, как беден источниками VII век. Поэтому он, восстанавливая ход событий, неторопливо взвешивает каждое свидетельство греческих, латинских и восточных авторов, разбирает толкования, предложенные его предшественниками, и выверяет установившиеся объяснения, факты и датировки. Именно такие частые экскурсы составляют наиболее содержательные разделы его труда.

Книга охватывает время от переворота Фоки в 602 г. до смерти Константина IV в 685 г. Автор рассматривает главным образом отношения Византии с соседними государствами и племенами: основное место в I—II томах уделено войнам Ираклия с Персией, в III т. — арабскому нашествию в 634—641 гг., в IV т. — войнам с арабами до перемирия 659 г. и, наконец, в V т. события на Балканском полуострове привлекают не меньшее внимание, нежели арабская война. При этом Стратос отводит специальные главы характеристике соседних областей и народов: Кавказа (т. III, гл. 15), арабского мира (с. III, гл. 2; т. IV, гл. 6), Италии (т. IV, гл. 4; т. V, гл. 3), болгар (т. V, гл. 5). Среди этих глав нашего читателя особенно заинтересует глава, посвященная славянским вторжениям (т. IV, гл. 7; ср. также т. V, гл. 4); по мнению Стратоса, вторжения аваров, славян и протоболгар в импе-

<sup>3</sup> О взаимоотношениях гепидов с Византией при Юстиниане I см.: Кулаковский Ю. История Византии, т. II. Киев, 1912, с. 214—218.

<sup>4</sup> Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959, с. 394, прим. 94.

<sup>1</sup> См. статью с характерным названием: Thomas C. B. The Seventh Century Revolution — East and West. — «Classica et mediaevalia», 28, 1969.

рию имели место уже в VI в., но расселение этих народов затронуло тогда только северные области Балканского полуострова (т. IV, с. 185); в начале VII в. славяне продвигаются на юг, достигая Крита. Исследователь объявляет необоснованным утверждение (не названных им авторов), будто местное население встречало варваров с распростертыми объятиями (с. 187). Число расселившихся в Греции славян Стратос считает небольшим, да и те, по его мнению, быстро подверглись эллинизации (с. 188 и сл.), — точка зрения, надо заметить, вообще господствующая в греческой историографии.

Главы о внутреннем состоянии государства и внутренней политике императоров имеются в каждом из томов, однако характеристика внутреннего строя односторонняя и неполная. Стратос останавливается преимущественно на финансовом гнете и чеканке монеты, а также на перестройке администрации и армии (в основном все сведено к установлению фем). Важнейший вопрос о социальных сдвигах VII в. почти не затронут, а ответственное утверждение, будто мероприятия Ираклия по раздаче земель стратиготам воспрепятствовали утверждению феодализма в Византии (т. II, с. 696), оставлено без какой-либо аргументации. Конечно, можно опять-таки сослаться на скудость источников, — но Стратос не использует археологический материал, который совершенно в новом свете представляет судьбу позднеримского города в VII в.<sup>2</sup> и очень бегло привлекает нумизматические и сигиллографические данные. Думаю также, что просопография могла бы послужить продуктивным средством при анализе сдвигов в структуре господствующего класса, как и при изучении церковной борьбы.

Всю вину за создавшийся к концу VI в. кризис Стратос возлагает на Юстиниана I и его ближайших преемников (т. I, с. 29 и сл.), тогда как деятельность Маврикия он оценивает более благоприятно (с. 31, резче — на с. 100 и сл.). Ираклий представляется исследователю подлинным реформатором (именно с ним — вопреки А. Пертузи — Стратос связывает организацию первых фем; т. II, с. 717), хотя уступки Ираклия церкви Стратос считает важной его ошибкой (с. 694). На самом деле, вероятно, перестройка византийской общественной структуры была результатом не столько политики тех или иных императоров и патриархов, сколько итогом спонтанных социально-экономических, этнических и культурных движений эпохи.

Короче говоря, Стратос предложил нам *описание* внешнеполитических и церковных событий VII в. — описание объективное и критическое, основанное на многообразных (преимущественно нарративных) источниках, к которым автор относится осторожно и строго, что позволяет ему высказать ряд остроумных объяснений и переосмыслить некоторые факты. Но читателю второй половины XX в. этого уже мало — он хочет думать о тех процессах, которые движут обществом. В этой сфере книга Стратоса дает немного: мы извлекаем из нее надежную хронологию походов Ираклия на персов, но она не объясняет нам, сохранился ли в VII в. античный общественный организм с его феноменом урбанизации или по какой-то причине он уступил место иному типу общества.

Книга Стратоса переведена на английский язык<sup>3</sup>.

А. К.

R. Brown ing. *Byzantium and Bulgaria*. London, 1975, 232 p.

Работа Р. Браунинга представляет собой первый опыт сравнительного исследования экономического, политического и культурного развития двух обществ, византийского и болгарского, в период раннего средневековья. Книга состоит из следующих глав: 1. Введение. 2. Балканский полуостров в период поздней античности и происхождение Болгарского государства. 3. Болгаро-византийские отноше-

<sup>2</sup> Я очень сомневаюсь, например, в правильности тезиса Стратоса (т. II, с. 691) о том, что персидские победы приводили к реальному переселению крестьян в города.

<sup>3</sup> *Stratos A. N. Byzantium in the VIIth Century*, vol. I—III. The Hague—Amsterdam, 1968—1972.